

В.Ф. Гайдукевич

**Античные керамические
обжигательные печи**

**По раскопкам в Керчи и
Фанагории в 1929–1931 гг.**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 902
ББК 63.4
В11

В.Ф. Гайдукевич
В11 Античные керамические обжигательные печи: По раскопкам в Керчи и Фанагории в 1929–1931 гг. / В.Ф. Гайдукевич – М.: Книга по Требованию, 2015. – 116 с.

ISBN 978-5-458-40227-9

Первая крупная работа выдающегося советского археолога и исследователя Боспора Виктора Францевича Гайдукевича. Посвящена исследованию керамических печей Пантикапея и Фанагории.

ISBN 978-5-458-40227-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Экономическая роль греческих поселений северного Причерноморья в общей системе античного рабовладельческого хозяйства заключалась, как известно, в торгово-производственных функциях, определявшихся деятельностью античного торгового капитала и выражавшихся, с одной стороны, в форме экспортных операций, связанных с вывозом сельскохозяйственной сырьевой туземной продукции и рабов, а, с другой стороны, в импорте рассчитанных в основном на туземный рынок изделий обрабатывающей промышленности „метрополии“, понимаемой как совокупность тех городов Греции и Малой Азии, в которых, как отмечал Маркс, „развитие торговли сопровождалось высоким развитием промышленности“.¹

Торговые функции колониальных греческих поселений, схематически сформулированные выше, мы не должны, конечно, представлять так, как это принято изображать в работах буржуазных исследователей, т. е. как своего рода идиллическую торговую связь греческих коммерсантов с „варварами“, осуществляющуюся через посредство колоний в порядке своеобразного обоюдо-выгодного экономического сотрудничества, в котором колонизаторы выступают чуть ли не больше просветителями-цивилизаторами, чем коммерсантами и эксплуататорами.

При таком освещении взаимоотношений античного торгового капитала с туземными народами затушевывается столь рельефно подчеркнутая Марксом хищнически-эксплуататорская роль торгового капитала, когда в условиях до-капиталистических социально-экономических формаций последний „занимал монопольное положение в сфере обращения“. Под этим углом зрения нельзя не видеть, что античный торговый капитал через посредство колоний — в том числе и на северном побережье Черного моря — эксплуатируя освоенные им области, выполнял не только „куль-

¹ К. Маркс. Капитал, т. III, ч. I, ГИЗ, 1930, стр. 256.

туртрегерскую миссию“, но и разлагающе воздействовал на формы социальной организации туземных народов, стимулировал, интенсифицировал процесс их классовой дифференциации с прогрессивным усилением тем самым эксплуататорского угнетения широких масс коренного населения, застигнутого началом экспансии торгового капитала еще на стадии родового строя.

В плане темы данного исследования, необходимо наряду с вышеохарактеризованной общей установкой подчеркнуть то положение, что экономическое значение греческих колоний северной части Понта нельзя сводить к роли торговых баз, снабжение которых промышленной продукцией происходило исключительно путем ввоза товаров метрополии. Один из существеннейших выводов, вытекающий из изучения вещественных материалов, добываемых путем раскопок на территории указанных поселений, заключается в признании наличия в них (правда, в масштабах еще далеко недостаточно выясненных) собственной промышленности, собственных местных индустриальных производств. Непосредственный контакт колоний с туземным рынком создавал, надо полагать, особенно благоприятные предпосылки для развития местной ремесленной индустрии.

Дело в том, что даже потребительский спрос на ремесленно-промышленную продукцию со стороны городского населения колоний едва ли мог удовлетворяться одним импортом, регулярность которого была в зависимости от многих привходящих обстоятельств. Поэтому можно было бы а priori утверждать, что на местах должны были изготовляться во всяком случае многие предметы повседневного быта, к каковым принадлежали, конечно, едва ли не в первую очередь изделия керамической промышленности. „Текстильное, металлургическое и гончарное производство составляли три важнейшие отрасли греческой промышленности“, замечает А. И. Тюменев.¹ И хотя керамическая продукция представляла все-таки одну из важнейших категорий товаров, импортировавшихся из метрополии, совершенно, однако, очевидно, что для торгового капитала представлялся более заманчивым в смысле прибыльности, выгодности — ввоз преимущественно высокосортных изделий, являвшихся чаще предметами роскоши, чем простых изделий массового характера, которые могли без особенных затруднений, при наличии даже простых гончарных глин, изготовляться на месте и тем самым с успехом конкурировать с аналогичным привозным товаром. Изучение добываемой путем археологических раскопок на территории античных поселений северного Причерноморья керамики, представляющей количественно наиболее обширный материал

¹ А. И. Тюменев, *Очерки экономической и социальной истории древней Греции*. т. I, 1924, стр. 87. Ср. К. Бюхер, *Очерки экономической истории Греции*, 1924, стр. 101—102. Указывая на чрезвычайно широкое применение керамических изделий у греков, К. Бюхер даже считал, что в отношении античности „можно было бы с известным правом говорить о глиняном веке“.

в разряде вещественных исторических источников, делает возможным, наряду с выявлением импортной продукции, относить те или иные виды и группы изделий с большей или меньшей степенью уверенности к местному производству. Само собой разумеется, что непосредственное открытие материальных останков производств с их техническим оборудованием, образцами продукции, хотя бы в виде отходов производства и т. д., дает наиболее яркий и надежный материал для исследования местной индустрии как в отношении изучения техники, так и в смысле выявления масштабов отдельных предприятий, а также их рынков сбыта, причем решение последнего вопроса возможно путем прослеживания районов распространения продукции.

Огромное значение указанных открытий совершенно очевидно, если, разумеется, вскрытые остатки соответствующего производства подвергаются в процессе раскопок тщательному изучению с исчерпывающим учетом всех фактических данных.

Поскольку на территории хоть некоторых причерноморских греческих колониальных поселений в до-революционное время так или иначе велись археологические раскопки, они неминуемо иногда приводили к открытию подчас весьма ценных остатков местной керамической промышленности. Известно, что в Херсонесе в процессе раскопок городища были обнаружены остатки нескольких античных керамических мастерских. Но каково, спрашивается, было в прошлом отношение к этим вещественно-документальным данным со стороны представителей науки? И тут приходится прямо сказать, что, если исследователями античных причерноморских колоний проявлялся иногда некоторый „историко-культурный“ интерес к местным керамическим изделиям, в меру того, насколько эти местные произведения носили на себе отпечаток „эллинского гения“ (все внешне неэффектное, „варварское“ не встречало никакого внимания), то зато уж абсолютно отсутствовал мало-мальски серьезный интерес к этим местным производствам со стороны их техники, орудий труда.

В этом не приходится винить тех или иных отдельных археологов. Такое отношение к определенной категории вещественных документов истории не было явлением случайным, оно с необходимой закономерностью вытекало из соответствующих методологических установок, определявшихся господством в социально-исторических науках классово-обусловленного буржуазно-идеалистического мировоззрения, не признающего движущей силой исторического процесса развитие материальных производительных сил, одним из основных элементов которых является техника, система орудий труда, понимаемых, конечно, в диалектической неразрывной связи с соответствующими общественными производственными отношениями. Именно непониманием того, что „такую же важность, какую строение останков костей имеет для изучения организации исчезнувших животных видов, останки

средств труда имеют для изучения исчезнувших общественно-экономических формаций“ (Маркс), было в основном обусловлено отношением буржуазной археологии (мы имеем в виду конкретно ту часть археологии, которая занималась изучением античности) к реальным остаткам древней техники, как к чему-то, в лучшем случае, второстепенному.

В связи с нашей темой можно с полным правом утверждать, что почти все открытия на территории античных поселений северного Причерноморья остатков керамического производства, в числе которых были и технические орудия, средства труда, представляют собою серию примеров исключительно поверхностного и даже преступно-небрежного отношения к этому важнейшему виду вещественных остатков прошлых эпох. В правильности такого вывода будет легко убедиться, если мы сделаем хотя бы беглый суммарный обзор этих открытий, связанных с археологическими раскопками, производившимися на юге СССР в до-революционное время.

Начнем с Херсонеса, где раскопки велись в течение длинного ряда лет с охватом значительной территории древнего города.

Производившиеся в 1888 г. раскопки северо-восточной части херсонесского городища привели к открытию вблизи так называемой Восточной базилики эллинистической мастерской по изготовлению художественных керамических изделий.¹ Мастерская была расположена в двух отделениях жилого помещения, окруженного, как указано в отчете, оштукатуренными стенами. На полу одной из этих комнат оказался целый склад глиняных форм (38 целых и много в обломках), применявшихся в производстве терракот, сосудов с рельефными украшениями и декоративных барельефов. В смежной (задней) комнате находилась отлично сохранившаяся обжигательная печь. Важнейшие из найденных форм вскоре же были опубликованы, с воспроизведением их оттисков, в специальном исследовании В. К. Мальмберга, давшего детальный формально-стилистический и сюжетный анализ находок и указавшего, между прочим, на тот любопытный факт, что данные формы, с помощью которых фабриковались керамические изделия, являются, в своем преобладающем большинстве, слепками с различных привозных оригиналов, в частности с металлических предметов, нередко высоко художественного достоинства.²

То, что обладало эстетической „обаятельностью“ и было связано с художественным творчеством „духа“ античности за-

¹ ОАК за 1882—88 гг., стр. CCXI—CCXII. Местоположение мастерской указано у Minns'a (*Scythians and Greeks*. Cambridge 1913), на плане VII отмечено буквой Z.

² Исследование о формах В. К. Мальмберга в VII вып. Материалов по археологии России (Описание классических древностей, найденных в Херсонесе в 1888 и 1889 гг., СПб, 1892).

служивало внимания ученого классика, но зато по поводу такой „прозаической“ вещи, как керамическая печь, считалось возможным ограничиться имеющимся в отчете ничего по существу не говорящим указанием на прекрасную ее сохранность.

После тщательных розысков нам удалось обнаружить подлинник полного отчета раскопок Херсонеса за 1888 г., составленный руководителем этих раскопок К. К. Косцюшко-Волюжиничем.¹ В соответствующем месте отчета имеется указание, что при расследовании керамической мастерской в одном из помещений оказалось „иссеченное в скале круглое мелкое углубление — быть может, остаток печи, так как прилегающая стенка сохранила следы копти“. Этого оказалось для составителей Отчета Археологической комиссии уже вполне достаточно, чтобы сообщить об открытии „отлично сохранившейся гончарной печи“. Подобные курьезы были возможны только потому, что памятникам техники древнего материального производства не придавалось серьезного научного значения.

Раскопками в Херсонесе 1900 г. были обнаружены остатки другого значительно более крупного керамического предприятия также эллинистического времени, расположенного за пределами города, возле наружной стороны оборонительных стен, вблизи башни Зенона.² Производство здесь обслуживалось несколькими обжигательными печами, от которых, к сожалению, сохранились лишь весьма незначительные следы, не дающие возможности судить об устройстве печей, но позволяющие в совокупности со всеми остальными данными, выявленными раскопками, восстановить довольно полную и интересную картину целого производственного комплекса.

Наиболее отчетливо выявились следы большой обжигательной печи с прямоугольным планом основания, вырубленным в скале (длина 5 м, ширина 3,02 м). Печь была построена из больших неправильной формы сырцовых кирпичей и предназначалась, несомненно, для обжига амфор. В отчете о раскопках 1900 г. указывается, что между обломками кирпичей большой печи „оказалось 28 раздавленных амфор, ручки которых носили именные печати одного и того же астинома Истроны, сына Аполлониды“.

Рядом с этой печью обнаружено вырубленное в скале прямоугольной формы вместилище — „бассейн“ дл. 3,90 м, шир. 3,02 и глуб. 1,94 м, служивший, по мнению К. К. Косцюшко-Волюжинича, для приготовления глины. С таким предположением можно вполне согласиться, тем более, что в непосредственной близости от указанного „бассейна“ оказались два колодца, один

¹ В архиве Херсонесского музея нет отчета о раскопках Херсонеса в 1888 г., он оказался в архиве ГАИМК в деле № 22 за 1887 год.

² ИАК, в. 2, табл. 1 (план раскопок 1900 г.); см. там же „Извлечение из отчета К. К. Косцюшко-Волюжинича о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1900 г.“, стр. 17—26 и 38—39.

из которых, в виду непригодности, был превращен впоследствии в мусорную яму, заполненную отходами производства, другой же служил для сбора дождевой воды, поступавшей в него по водосточным каналам.

К. К. Косцюшко-Волюжинич по поводу результатов произведенных им раскопок писал в своем отчете следующее: „Находя во время раскопок прежних лет множество черепков глиняной посуды, покрытой лаком, часто и расписной посуды, несомненно, привозной, я, в силу установившегося мнения, что Херсонес не имел собственного гончарного производства, относил к привозной посуде и те многочисленные черепки без росписи, покрытые коричневым, бурым и графитового цвета лаком, которые составляют значительное большинство всех находимых обломков. Результаты раскопок отчетного года выяснили неосновательность такого мнения. На расследованном участке обнаружены печи для обжига глиняной посуды и терракот, ямы для приготовления глины, колодцы, бассейны и каналы для сбора и хранения воды; тут же найдены формы для терракотовых фигур и орнамента, раздавленные амфоры с именами местных астиномов на ручках и, наконец, внутри колодца „л“, обращенного в сорную яму, огромное количество той буролаковой и графитового блеска посуды, которую ошибочно считали привозной. Но этого мало: в том же колодце найден один из тех штампов, которыми выдавливались на дне тарелок и блюдец розетки, причем этот штампик вполне совпадает с розетками, сохранившимися на дне тарелок и некоторых блюдец. Последнее обстоятельство окончательно убеждает нас в том, что и лаковая посуда клеймилась и обжигалась здесь же за городской стеной, и что при этом как относительно форм, так и относительно техники, мастера подражали образцам более ценной привозной посуды“.

Итак, в результате раскопок 1900 г. удалось выяснить, как мы видим, ряд весьма существенных вопросов относительно местного керамического производства в Херсонесе. Значение этой отрасли промышленности оказалось гораздо большим, чем предполагали раньше. Был с несомненностью установлен факт наличия значительного производства в Херсонесе так называемой чернолаковой керамической посуды, которую до того было принято считать всю привозной извне. Кроме того, были получены чрезвычайно ценные данные о местном производстве амфор с клеймами херсонесских астиномов. Обнаружение обжигательной печи с тремя десятками раздавленных амфор, на ручках которых оказались оттиски клейма „Ἰστρωνος τοῦ Ἀπολλωνίδα ἀστυνομοῦντος“, окончательно и бесповоротно установили существование в Херсонесе массового производства коммерческой тары в виде типичных для античности глиняных амфор с характерными астиномными клеймами, которые только по косвенным признакам считались раньше херсонесскими. Фабрикацию этих амфор необходимо поставить в прямую связь с той обширной торговлей

вином, которую вел Херсонес.¹ Пользуясь тем, что удалось обнаружить в фондах Херсонесского музея одно из горл тех амфор, которые были найдены в 1900 г. в обжигательной печи, здесь мы приводим его изображение² (рис. 1). К сожалению, относительно полной формы сосуда можно только предполагать, так как точное восстановление невозможно по той причине, что, кроме ручек с клеймами, остальные фрагменты амфор, обнаруженных в печи, собраны и сохранены, повидимому, не были.

Надо сказать, что общие итоги раскопок довольно обстоятельно изложены в вышецитированном нами отчете К. Косцюшки, но вещеведение, господствовавшее в археологии, с исключительным притом упором на поиски экстраординарных предметов, главным образом, античного искусства, сказалось и тут в полном пренебрежении к массовому, внешне подчас и весьма невзрачному материалу, но представляющему большую ценность в плане изучения „повседневной будничной жизни народов, их труда, их материального быта, основы духовной культуры и всей исторической жизни“. Так, ввиду отсутствия в то время регистрации раскопчного материала, теперь почти невозможно среди колоссального количества „беспаспортных“ керамических находок, хранящихся в Херсонесском музее, установить совершенно уверенно, какие образцы местной „чернолаковой“ посуды были обнаружены возле печи, в заброшенном колодце, который оказался, как упомянуто, обильно наполненным отходами производства. Между тем этот материал мог бы, при соответствующем его исследовании, дать ценные выводы для выяснения вопроса о способе приготовления местного „лака“ и т. д.

Неизвестно, где затерялись штампы, служившие для орнаментальной отделки изделий.³ Не сохранились и образцы кир-

¹ Не только в Херсонесе, но и в окрестностях его в античное время существовали керамические мастерские, располагавшиеся, видимо, преимущественно вблизи источников сырья, возле глинищ. Продукция этих мастерских была в основном связана с обслуживанием местного хозяйства и, в первую очередь, винодельческого промысла глиняной тарой. На основании соответствующих наблюдений, сделанных во время строительных работ на северной стороне Севастополя, есть основания предполагать существование там производства клейменных амфор. Возможно, что оттуда, пользуясь удобным водным сообщением, доставляли глину для мастерских, находившихся непосредственно в Херсонесе (Махов, Амфорные ручки Херсонеса Таврического с именами астиномов. ИТУАК, № 48, Симферополь, 1912, стр. 154). Остатки обжигательных печей и следы древних разработок глинищ замечены также у устья реки Бельбек. По мнению Н. Печенкина, „устье Бельбека играло значительную роль в поставке Херсонесу глиняной посуды, так называемого местного производства, или по крайней мере материала для ее изготовления“ (Печенкин, Раскопки в окрестностях г. Севастополя. ИТУАК № 38). В плане специальной разработки вопроса о местной керамической промышленности Херсонеса все эти указания должны быть непременно учтены.

² Внутренний диаметр горла на уровне венчика 0,085, высота ручек 0,13, ширина 0,04, толщина 0,02. Глина красного цвета с мелкими черными крупинками. У основания ручек снаружи имеются углубления, сделанные, вероятно, пальцами.

³ Описание штампов см. в ИАК, вып. 2, стр. 20.

пичей, из которых были построены обжигательные печи, о чем приходится тоже очень пожалеть.

Как можно предполагать, следы еще одной керамической мастерской, относящейся к античной эпохе, открыты были в 1911 г. Р. Х. Лепером в так называемом III квартале северо-восточной части городища. В виду того, что производившиеся Лепером раскопки зафиксированы только в черновых записях дневника, весьма к тому же поверхностно-суммарных, рассчитанных на дальнейшую обработку, которая Лепером выполнена не была, судить об открытых им в „XI помещении“ остатках печи очень трудно. Все же с некоторой долей вероятности можно думать, что обнаруженная печь служила в эллинистическое время для обжига посуды. В дневнике от 2 ноября 1911 г. записано: „Помещение XI. Закончено до скалы помещение в яме, где круглая печь, поскольку свободно под плитной вымосткой. Внутри круглой печки (стена ее в одном месте выломана при начале раскопок, не будучи замечена) — 6-гранное помещение, обставленное плитами на ребро, внутри его — твердоутрамбованный пол. Снаружи плиток оставлена земля, пола нет. Внутри печи несколько слоев. В слое саж и угля... много жужелиц¹ и чернолаковых черепков“ (далее идет перечисление отдельных находок).² Еще раньше, 29 октября, в дневнике указано, что при раскопке ямы, „что с печкой“, во время расследования окружения печи обнаружен слой с множеством черепков, при этом встречено много фрагментов чернолаковых сосудов.³ Не была ли это печь для обжига местной чернолаковой керамики? Что касается самой печи, то об ее устройстве, на основании дневника Лепера, сказать можно очень немного. Специальных зарисовок и обмеров сделано, повидимому, не было. Диаметр печи, судя по общему плану раскопанной части городища, около 1½ м. Интересно отметить внутреннюю шестигранную форму печи и применение для облицовки стен (очевидно, внутри топки) каменных плит, хотя применение кирпича установлено наличием „жужелиц“. Печь сохранилась плохо, но и расследована она была к тому же варварски небрежно: руководитель раскопок не счел возможным разобрать (конечно, после соответствующей исчерпывающей ее фиксации и изучения) более поздней вымостки, лежавшей на засыпи, скрывавшей остатки печи, и вел исследование ее в узкой яме „поскольку свободно под плитной вымосткой“.

На этом заканчивается перечень открытий реальных остатков техники керамического производства античного Херсонеса. Конечно, ими не исчерпывается керамическая промышленность Херсонеса, существовавшая на всем протяжении античной эпохи. Думается, между прочим, что немало ценных данных еще может

¹ „Жужелица“ — перегорелый кирпич.

² Херсонесский сборник, вып. III, стр. 86.

³ Там же, стр. 85.

быть вскрыто будущими раскопками. Что же касается уже обнаруженных конкретных остатков керамической техники, то, оценивая связанное с этим наследие прошлых археологических изысканий, производившихся в Херсонесе, неизбежно приходишь к выводу, что орудия техники, вещественные остатки материального производства не считались достойными серьезного внимания историческими документами. Отсюда и вытекали такие факты, как поверхностное исследование комплекса остатков производства, обнаруженного в 1900 г. и исключительные по небрежности раскопки печи, может быть, керамической, найденной в 1911 г.

Возможностей обнаружения производственно - технических остатков местной керамической индустрии в Пантикапее — столичном центре Боспорского царства — было неизмеримо меньше, чем в Херсонесе, по той причине, что это городище никогда не подвергалось систематическим раскопкам. Археологическое изучение Боспора велось почти исключительно в виде отыскивания и добывания сокровищ, скрытых в могилах и курганах, они нужны были для обогащения Эрмитажа. Проблема же изучения остатков поселений не считалась достаточно научно-важной и привлекательной, вследствие чего даже на территории Пантикапеи имели место лишь бессистемно-случайные разыскания („главной целью было найти новые надписи, статуи, фрагменты посуды“),¹ которые вследствие убожества методологических установок и примитивности раскопчной техники, не могли, конечно,

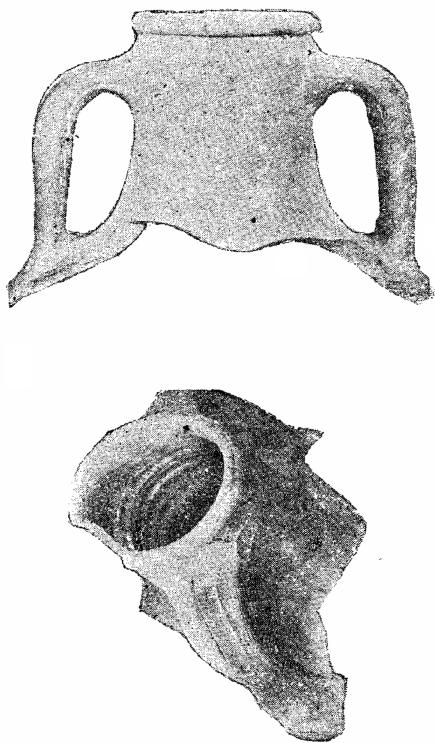

Рис. 1. Горло амфоры с клеймом астинома, найдено в обжигат. печи, открытой в Херсоне в 1900 г.

¹ Ю. Ю. Марти, Проблема раскопок древнего Пантикапея, Труды секции археологии Института археологии и искусствознания, т. IV (посв. В. А. Горюнову). Москва, 1929, стр. 310. Ср. обзор раскопок греческих поселений северного Причерноморья у Rostowzew'a „Skythien und Bosphorus“. Берлин, 1931, стр. 129.

пролить почти никакого света для выяснения производственного, социально-хозяйственного быта города и выявления остатков существовавшей здесь, без сомнения, местной индустрии, в том числе керамической.

Попытка наладить планомерные археологические изыскания на территории Пантикапейского городища были предприняты К. Е. Думбергом во второй половине 90-х годов на северном склоне Митридата, но после его ухода начатые им раскопки городища больше не производились. Во время указанных раскопок, в 1898 г., согласно показаниям отчета, были будто бы обнаружены неподалеку от римских терм остатки „черепичного завода“, от которого сохранились боковые стены большой печи. Здесь — по словам того же отчета — нашлось значительное количество полуобожженных черепиц и грузил, отчасти со штемпелями. Завод был брошен в полном действии, быть может, при внезапном вторжении неприятеля.¹ Упомянутая в отчете „печь“ была нанесена на общий план раскопок, который неоднократно с тех пор воспроизводился в различных исследованиях с непременно фигурирующим на нем изображением плана этой „печи“. Однако, ни в опубликованном отчете о раскопках 1898 г., ни в его рукописном оригинале, хранящемся в архивах ГАИМК (дубликат в Керченском музее), нет описания найденных черепиц и грузил с клеймами, о которых отчет повествует как о фабрикатах „черепичного завода“, нет никакого исследования или хотя бы описания самой печи, отсутствует даже указание, на основании каких соображений, по каким конструктивным признакам данное сооружение было признано керамической обжигательной печью. Наличие недостаточно обожженных черепиц едва ли может служить решающим доказательством. К счастью, эта „печь“ оказалась довольно прочной постройкой, она вполне удовлетворительно сохранилась до настоящего времени. Представляя собою руины постройки, состоящей из трех бутовых стен, образующих в плане букву П, строение это не дает никаких оснований определять его в качестве керамического обжигательного горна. Интересно, между прочим, что внутренние стороны стен данного сооруже-

¹ Архив ГАИМК, Дело № 30 1898 г. В ОАК за 1898 г. на стр. 14 указано, что при очистке остатков черепичного „завода“ — „извлекли множество полуобожженных черепиц и грузил, некоторые из них оказались с клеймами, так что эта находка поможет без сомнения разъяснить вопрос о происхождении штемпелей, встречающихся на амфорных ручках, черепицах и грузилах“. Последнее замечание является „отсебятиной“ редакции ОАК, к тому же весьма безответственной, так как в действительности эта „находка“ решительно ничего не разъясняет в вопросе о клейменной керамике.

² В ОАК за 1898 г. на стр. 13 (№ XI). Этот план в виде точной копии переиздан у Minns'a на стр. 565, причем объект „XI“ пояснен следующим образом: „kiln with half-baked tiles and net-weight“. Кроме того, этот же план воспроизведен в „Античной декоративной живописи на юге России“ Ростовцева, стр. 114, и в Путеводителе по Керченским древностям Ю. Ю. Марти, изд. 1926 г. (рис. 8, № 1), где то же сооружение названо „развалинами гончарной мастерской“.